

Разбор стихов требует большого мастерства, безупречного знания истории греческого языка, начитанности в области греческой литературы и диалектологии. Издатели Корпуса должны были вскрыть степень самостоятельности местных стихов или зависимости их от влияния других языковых сред, степень влияния отдельных диалектов на боспорский язык. Нужна также осведомленность в античной истории. Правда, среди боспорских надписей есть и простые стихотворения. Но некоторые стихотворные эпиграммы настолько сложны, что толкование их потребовало усилий целого ряда крупных ученых. Над некоторыми стихотворениями работали такие специалисты, как В. В. Латышев, А. В. Никитский, П. В. Никитин, С. А. Жебелев, на смену которым пришли наши современные исследователи (Т. Н. Книпович, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, В. Ф. Гайдукевич и др.). Эти надписи часто служили объектом споров и обсуждений в мировой филологии, и одно ознакомление с библиографией, заканчивающей комментарии к отдельным памятникам, говорит о масштабе этой работы.

Перейдем к отдельным стихотворениям.

№ 117 — привожу перевод Корпуса: «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея, дышавшего вином, вдали от милой родины. Душу его принял Ахеронт, а тело — могила». Перевод снабжен обширным комментарием, в котором использованы мнения и предложения ряда ученых. А. И. Доватур, доказывая зависимость языка автора этой надписи от языка Гомера, отмечает непривычное употребление слова *περιβύσσει*, которое обычно применяется в отношении людей или животных в значении: обступить кого-либо с целью защиты (как это уже отметил Латышев — ИАК, 3, 1902, стр. 39). Думаю, что и здесь можно сохранить гомеровский оттенок этого слова: скифская земля окружила Гекатея с целью защиты его от окружающих. Комментарий к этой надписи является образцовым.

Также нам кажется очень удачным комментарий к № 118, дающий ясное представление об умершем, как о человеке большой культуры, философе, излагавшем свое учение в местах наибольшего скопления людей, как это делал Сократ. Это — предшественник Сфэра Борисфенского. Выяснение облика умершего является заслугой Латышева (ИРАИМК, II, 1922, стр. 94). Очень много потрудились над этой надписью А. И. Доватур и Д. П. Каллистов.

№ 114: «Под этим памятником лежит муж, для многих желанный. Не лучше ли перевести «оплакиваемый многими»?

№ 125: надгробие посвящено братьям Менодору и Гелиодору, сыновьям Гелиодора. Юноше Гелиодору — 18 лет. Он увлекался наукой. По-видимому, он был

старшим сыном, так как носил имя отца. Младшему брату Менодору, следовательно, было меньше 18 лет. Его намерение вступить в брак указывает на возможность заключения ранних браков на Боспоре. Таким образом, эта надпись проливает некоторый свет на структуру общества на Боспоре. Весьма удачно предположение В. В. Латышева, что стихотворение составлено из двух частей, взятых у «туземных» поэтов, что говорит о наличии местного творчества. Иногда местные поэты использовали одно и то же стихотворение для разных надгробий, меняя лишь имена (№ 127 и 129). Порой в их творчестве чувствуется и влияние распространенных в Греции эпиграмм.

Большой интерес вызывают надписи, предназначенные для кенотафов (см. надпись № 732, приведенную ранее). Надпись № 142 — купец Хрестинон, сын Асиатика, умер в земле сираков. «...Меня, купца, Гермес, сын Маи, не проводил домой. А ныне мое имя Хрестинона, сына Асиатика, скончавшегося до брака несчастной смертью на чужбине, каменная хранит стела, на которой оно написано. Но прощай, путник!». Хрестинон скончался на чужбине и там же похоронен. Стало быть, на Боспор он не вернулся, т. е. имеет место кенотаф. Обращается стела к случайному прохожему. По-видимому, лицо, поставившее стелу, рассчитывало, что прочитавший надпись попадет в страну сираков и расскажет там о судьбе купца. Надпись хорошо понята и объяснена издателями.

Можно было бы привести много примеров удачной работы над стихотворными эпиграммами. Остановимся только еще на одной. Она заслуживает этого как по своему содержанию, так и по рассуждениям комментаторов, очень поучительным. Мы имеем в виду № 913. Это, пожалуй, самое красивое из метрических надгробий Корпуса: «Гликерия, супруга Асандра, у твоей пирамиды я с жадностью выпил воды, идущей из близкого источника, с вином, и, утолив жажду, сказал следующее: и при жизни и после смерти ты спасаешь нуждающихся». Издатели отдали предпочтение чтению и переводу этой надписи, данным В. В. Шкорпилом и М. И. Ростовцевым. Мы предпочитаем толкование В. В. Латышева, а именно: у могилы любимой жены Асандр построил памятник (пирамиду). Неподалику протекал ручеек. Отведав воды из него, смешанной с вином, горящий вдовец утолил свою жажду и высказал пожелание, чтобы Гликерия, которая при жизни утешала всех, кто с ней встречался, после смерти также утешала бы всех. Приходится только вместо *σώζ[εις]* дополнить в лакуне *σώζ[εις]* и понимать *σώζεις* как «утешать горе, успокаивать». Источник, вытекающий из-под пирамиды, убитый горем Асандр воспринимает как непосредственное воздействие на него

покойной. Она успокоила страждущего супруга, как это делала при жизни.

№ 992. Помещена надпись в таком виде, как ее когда-то понимала Т. Н. Книпович. Приходится очень пожалеть, что Т. Н. Книпович не напечатала эту надпись в улучшенном издании В. Пеека (ВДИ, 1960, № 3, стр. 141—142). Толкование Пеека принято в SEG, XVIII (1962, № 311) и заслуживает предпочтения.

Богато представленная стихотворная эпиграфика, и не только она, подсказывает мысль о желательности издания книги для чтения (хрестоматии с хорошими комментариями). Это было бы крайне полезное пособие для студентов.

Словарю и грамматическому приложению к Корпусу приходится уделить особое внимание. С тех пор как филологи стали изучать локальные языки, такие исследования приобретают все большее значение. Анализируя особенности языка, мы стараемся избавиться от огульного опорочивания грамматических форм, отличающихся от школьных традиций. Какие формы написания знает Боспор, когда появляется то или иное разночтение, под влиянием каких причин образуется та или иная диалектная форма — изучение всего этого вносит ясность в историю развития языка. Законы ютацизма, когда и где удваивались согласные, выпадение гласных, особенности склонения, спряжения, стилистические особенности составляют предмет изучения исторической грамматики. В Корпусе все эти языковые материалы нашли достаточно полное отражение и являются ценным вкладом в лингвистическую библиографию.

Указатели распадаются на ряд тем. Историко-религиозные дают возможность путем сличения со списками богов других местностей показывать самостоятельность боспорской идеологии или степень зависимости ее от идеологии других государств. Родство написания культовых терминов облегчает сравнение религиозных представлений.

Этнические термины обогащают наши

знания о взаимоотношениях между Боспорским царством и другими странами, об экономической заинтересованности Боспора в истории соседних городов-государств и т. д.

Очень важным разделом является перечень государственно-правовых терминов, свидетельствующий о ходе развития государственного строя на Боспоре. Здесь мы встречаем родственные с эллинистическими государствами установления. Интересно отметить, что на Боспоре при очень неразвитом юридическом мышлении неуклюже обозначаются отдельные стороны правления (например, ἐπὶ τῆς Γορύλλειας, ἐπὶ τῆς Θεοδοσίης).

Совсем неизученным материалом являются списки личных имен. Особый интерес представляют женские имена. На основании списков нашего Корпуса, вероятно, удастся объяснить появление таких женских имен, как Рим, Александрия, Италия, Амасия (№ 337), Лисимахия (№ 454) и других. Чем вызван интерес к тому или иному городу? Обращают на себя внимание отвлеченные понятия, которые стали именами женщин (Ἀγάπηια, Οὐβονία, Παρρησία, Φιλοῦσα, Χαρμοσύνη).

Перечень слов, подготовленный А. И. Доватуром при участии И. А. Шишовой, можно сопоставить по добросовестности, с которой он составлен, с лучшими лексикографическими изданиями филологической науки. Это не словарь в узком смысле слова, а исчерпывающее перечисление слов со всеми разночтениями, описками, историческими стадиями написания. И если в предисловии издатели говорят о том, что задача Корпуса заключается в подготовке для ученого материала, который мог бы лечь в основу будущих исследований, то это в такой же мере относится и к приложениям к Корпусу.

В заключение еще раз повторяем, что Корпус в целом представляет собой ценный вклад в филологическую и историческую науку, за который можно поблагодарить энергичных его составителей.

О. О. Крюгер

ПЛУТАРХ И СВЕТОНИЙ В НОВЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

ПЛУТАРХ, *Сравнительные жизнеописания в трех томах*. Издание подготовили С. П. Маркиш, С. И. Соболевский и М. Е. Грабарь-Пассек, М., Изд-во АН СССР, 1961, 1963, 1964, 504 стр., 548 стр., 546 стр., цена 2 р. 20 к., 2 р. 51 к., 2 р. 30 к.

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, *Жизнь двенадцати цезарей*. Издание подготовили М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман, М., Изд-во «Наука», 1964, 376 стр., цена 2 р. 10 к.

Плутарх и Светоний были современниками и работали в одном и том же жанре. Трудно, однако, найти двух авторов, которые меньше походили бы друг на друга.

За каждым из них стоит не только свой комплекс литературных традиций, но и свой стиль жизни и мировоззрения, в обоих случаях очень последовательный.

Светоний стремился выполнить свое дело с четкостью и добросовестностью римского чиновника; его авторская позиция суха и деловита: он берется предоставить в распоряжение читателей сумму сведений, возможно более тщательно собранных и ясно изложенных, и на этом его контакт с ними исчерпан. Плутарх идет от чисто греческой традиции непринужденных и неторопливых философских бесед, давно уже породившей ряд адекватных ей литературных форм¹; он ищет иллюзии непосредственного общения с читателем и хочет, чтобы этот читатель вошел в его, Плутарха, мир, проникся его чувствами и даже иногда додумывал бы до конца не додуманные им мысли. Поэтому Светоний стремится к стройности описания, Плутарх — к живости повествования и к непринужденности размышления. Обоим удалось создать прототипы очень устойчивых жанровых структур: по путям Светония пошли едва ли не все позднейшие римские биографы и целый ряд средневековых и ренессансных авторов, подражатели Плутарха в неисчислимом множестве появились в литературе нового времени.

По счастливому случаю читатель сразу получил возможность сравнить между собой двух классиков биографии: в том же самом 1964 году, когда вышел из печати последний том «Параллельных жизнеописаний», появился и однотомник Светония. Но еще большей удачей было то, что их переводчики — и прежде всего С. П. Маркиш, которому принадлежит большая часть работы над Плутархом, и М. Л. Гаспаров, выполнивший перевод Светония, — оказались на высоте задачи. Поэтому литературный облик и одного, и другого автора оказался выявленным четко и убедительно.

Когда мастерство переводчика и его вдумчивость достигают определенного уровня, перевод перестает быть простым эрзацем подлинника для читателя, не владеющего языком; он приобретает новые функции и становится инструментом научного познания, научного осмысления оригинала. Такой перевод нужен и интересен не только широкому читателю, но и специалисту, как бы хорошо последний ни знал оригинальный текст. Перевод не заменяет подлинника — это трюизм; но и знание подлинника не делает ненужным хороший перевод, который способен помочь взглянуть в подлинник. Высококачественный перевод — это та же интерпретация текста, а работа переводчика отличается от работы исследователя лишь тем, что если последний аналитическими методами вскрывает отдельные стороны литературного облика

текста, то на долю первого приходится возможность — и обязанность — синтезировать этот облик в его физиогномической цельности.

Именно это удалось сделать С. П. Маркишу с «Параллельными жизнеописаниями» и М. Л. Гаспарову с «Жизнью двенадцати цезарей», и потому их переводы — не только подарок читателю, не владеющему греческим и латинским языками, но и существенный вклад в филологическую науку.

Поучительно сравнить между собой эти две непохожие друг на друга переводческие работы. Те черты, которые вопреки всему объединяют их, определяются общим требованием «физиогномической» точности. Первое условие последней — жесткий пуризм при отборе лексики. Чтобы давать нужный языковой образ, перевод должен быть очищен от нежелательных ассоциаций с «газетным» речевым слоем, — т. е. от специфически сегодняшних слов и выражений — от транслитераций, от варваризмов и т. д.; именно лексическое отдаление словесной ткани перевода от современности делает перевод по-настоящему современным. Это не парадокс: на предшествующих этапах развития переводческого искусства был возможен талантливый перевод без соблюдения этого условия — так, Ф. Ф. Зелинский, по-своему блестяще переводивший в свое время речи Цицерона, не избегал, а приветствовал всякую возможность стилизовать текст под обиходный тон современного ему судебного красноречия. Теперь это невозможно. Необходимость выразить языковыми средствами остроту нашего ощущения исторической дистанции стала объективным требованием. Конечно, переводчик волен считать или не считать с этим требованием; в самом деле, в великом множестве продолжают появляться переводы из древних авторов, пестрящие словами, уместными в газетной или научной статье². Однако перевод, не считающийся с определенными языковыми запретами, тем самым выходит за пределы художественных критериев; он может оставаться бесполезным пособием для ознакомления с голым «смыслом» текста, но эстетически в счет не идет.

Но, конечно, чисто негативное требование недопущения неуместных речевых ассоциаций — лишь предварительная ступень художественной реконструкции подлинника, обеспечивающая ее предпосылки. Дело в том, как реализуется эта реконструкция. Мы чувствуем ее в переводе Плутарха в той бережности, с которой сохранена структура греческого

¹ Связи «Параллельных жизнеописаний» с жанровыми традициями диалога и так называемых симпозиов и диатрибы мы намерены посвятить особую работу.

² Ср. хотя бы новый перевод Страбона, выполненный Г. А. Стратановским, где буквально на любой странице можно встретить словосочетания «мифический элемент», «следующие факты» и т. п.

В целом же, повторяем, перевод С. П. Маркиша — нечастый случай, когда переводчик очень четко знал, чего хотел, когда он сумел свои принципы реализовать и когда эти принципы совпали с «физиогномикой» подлинника. После этого перевода внутренний строй оригинала стал для нас прозрачнее, — а это уже очень много.

В I и II томах четыре биографии даны в переводе С. И. Соболевского. За их абсолютную филологическую корректность ручается само имя покойного патриарха науки о древности; в то же время С. И. Соболевский свободно чувствовал себя не только в стихии греческой речи, но и — что не всегда бывает с переводчиками — в стихии речи русской. Однако нельзя не почувствовать, что эти переводы (кстати сказать, выполненные задолго до составления книги) ориентированы на иные переводческие принципы, чем те, которые легли в основу издания в целом. Мы нередко встречаем здесь варваризмы и такую фразеологию, которую современный вкус воспринимает в переводе древнего автора как нежелательную. «...Из нравственной философии он всего более любил *политический отдел* ее...» («Солон», гл. 3 — т. I, стр. 104), «...В науке о природе его познания слишком уж просты и *примитивны*» (там же — *ἐν δὲ τοῖς φυσικοῖς ἀπλοὺς ἐστὶ λίαν καὶ ἀρχαῖος*) — подобные фразы контрастируют с пуризмом других переводчиков и вызывают отчетливую ассоциацию с языком прессы конца прошлого века. Кроме того, переводы С. И. Соболевского избегают длинных фраз, что в сочетании с охарактеризованной выше лексикой придает слогу Плутарха несвойственную ему сухость.

Во II том вошли работы десяти переводчиков⁵. Переводы четырех биографий взяты из издания «Избранных биографий» под ред. С. Я. Лурье (М.—Л., 1941), остальные выполнены заново. Хорошо передает тон Плутарха принадлежащий С. А. Ошерову перевод жизнеописаний Пирра и Мария. Уверенно сделан «Серторий» (перевод А. П. Каждана), но в нем есть некоторая суховатость, чуждая повествовательному стилю оригинала. Надо отдать должное огромной редакторской работе М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиша — разноречивой не очень чувствуется, и том в целом не выпадает из общего стиля издания. Естественно, однако, что сравнительно с I и III томами этот «сборный» том все-таки выглядит блесветнее.

Подавляющее большинство стихотворных цитат, на которые был так щедр Плутарх, переведено М. Е. Грабарь-Пассек. Очень удачен выполненный ею пе-

ревод двух отрывков из Бакхилида на стр. 94 I тома. Переводить такие стихи, не дающие переводчику возможности блеснуть «характерной» лексикой или энергичным ритмом, очень трудно; тем выше приходится оценить непринужденность и чистоту дикции, отмечающие этот перевод. Выразительно звучит эпитафия Тимону Мизантропу в 7-й главе «Антония» (III том, стр. 268). К сожалению, однако, в переводе часто теряется игра слов или такие фигуры, как *ὁμοιότητες* (например: *Ἐργὸν ἀπονοίας καὶ ὁμοιότηας ποιεῖ*, в переводе: «Раздора голос злой воздвиг Согласью храм», см. т. III, стр. 135).

Перевод отрывков из Солона для его жизнеописания выполнен (за немногими исключениями) Б. Фонкичем (фамилия которого по ошибке несколько раз дана как «Фонтич»). Эти переводы вполне корректны, а некоторые весьма удачны. Не совсем приятны только штампованные обороты, которые Б. Фонкич иногда ради заполнения стиха дарит Солону (например, «молнии яркой *стрелы*» — вместо *λαμπρὰ ἄστέρων*, «грома *раскат*» — вместо *βροντῇ*, отсутствующий в оригинале проанализм: «...То свое, *тем самым*, имя не покрыл позором я»); хуже то, что в его переводе пропал важный и очень специфический образ — Солон говорит о спокойном море, что оно *πάντων ἐστὶ δίκαιοτάτη*, у Фонкича — «гладь в мирном покое лежит» (т. I, стр. 104).

Стоит особо отметить переводы фрагментов древнеаттических комедиографов в «Никии», они сделаны М. Л. Гаспаровым с такой живостью и уверенностью в передаче комических метров, какой мы, пожалуй, не видели со времен переводов А. Пиотровского.

Примечания к восьми жизнеописаниям, вошедшим в I том («Тесей», «Ромул», «Ликург», «Нума», «Солон», «Попликола», «Фемистокл», «Перикл»), составлены С. И. Соболевским, остальные принадлежат С. П. Маркишу. Как подчеркивается во вступительной замечке к примечаниям II тома, это в полном смысле слова примечания, а не комментарии: параллельные места из других авторов не приведены, пояснено лишь то, без чего нельзя понять ближайший смысл текста. Эту установку (в большой степени вынужденную условиями издания) можно одобрять или не одобрять, но оценивать примечания можно, лишь исходя из нее. Примечания при крайней экономичности (лишь иногда преувеличенный лаконизм сказывался на смысле) сохраняют ту живость интонации, которая характерна для облика всего издания.

Едва ли верно содержащееся в первом из примечаний к I тому (оно принадлежит С. И. Соболевскому) утверждение, что Плутарх посвятил Сосию Сенециону лишь несколько биографий, по-видимому, лишь те три пары, где упоминается имя Сене-

⁵ Одна биография переведена автором этой рецензии.

в предисловии к сборнику «О великих мужах» называет этого беллетриста-биографа *Hermippos Peripateticus*. Однако слово «перипатетик» здесь обозначает не принадлежность к философской школе, а род ученых занятий (философская биография того типа, который возник в перипатетических кругах)¹⁰. «Философом» Гермипп был не в большей (судя по всему, даже в меньшей) степени, чем, например, Диоген Лаэртский. Более удачно Гермипп охарактеризован на стр. 457 III тома («писатель второй половины II в. до н. э.»).

«...Ни одна античная трагедия, написанная на сюжет мифа о чудовищной вражде братьев Атрея и Фiestа, до нас не дошла...» (III том, стр. 460). А «Фiest» Сенеки?

В примечании к цитате из Платона в 1-й главе «Деметрия» («...слова Платона, что великие натуры могут таить в себе и великие пороки, и великие доблести...») говорится (III том, стр. 466): «На какое место в сочинениях Платона ссылается Плутарх не установлено». Плутарх имеет в виду «Государство», VI, 491 E.

От затннувшегося разбора отдельных примечаний вернемся к изданию в целом. Приходится пожалеть об отсутствии научной статьи об авторе (хотя это отсутствие, так же как скупость примечаний, стоит в связи с сознательно выдержанным экстерьерическим стилем трехтомника). Послесловие к I тому, составленное С. И. Соболевским, имеет почти школьный характер (в этом своем качестве оно должно быть оценено высоко). Не заменяет научной статьи и послесловие С. П. Маркина («К читателю от переводчика» — III том, стр. 435—436). Разумеется, бранить это послесловие за недостаточный академизм можно лишь при отсутствии чувства юмора: оно задумано и выполнено как отрицание всякого академизма. Что ж, личный стиль художника заслуживает всяческого уважения, и думается, что С. П. Маркин, добросовестно и талантливо выполнив свою работу, мог позволить себе *indulgere ingenio suo*. Но это послесловие по природе своей декоративно, а не конструктивно. Русская филология была бы богаче, если бы переводчик, взвесивший на ладони каждую фразу оригинала и сумевший реализовать в своем переводе очень цельную концепцию Плутархова творчества, выразил бы эту концепцию в аналитических формах научной рефлексии. Не потерял бы от этого и читатель.

¹⁰ См. St. Heibges, *Hermippos der Kalimacheer*, RE, Hbd. XV, 1912, стр. 845.

Издание Светония опять-таки содержит не только «Жизнь двенадцати цезарей», как это значится на титульном листе; в одномомнике включены переводы фрагмента «De grammaticis et rhetoribus», восходящих к Светонию биографий поэтов¹¹ и заметок о Пассене Криспе и Плинии Старшем. Наконец, сохранившийся от всех пяти книг «О знаменитых мужах» перечень имен полностью приведен на стр. 337—338. Таким образом, читатель получил перевод всех текстов Светония, которые хоть в какой-нибудь степени идут в расчет при характеристике его творчества¹². Весь материал, не относящийся к циклу биографий императоров, отчетливо выделен в раздел «Дополненный» (стр. 221—246).

Не так давно в одной рецензии можно было прочитать: «От перевода... не следует требовать художественного совершенства не только потому, что его автор — не поэт, а ученый, но и потому, что сам оригинал — произведение в художественном отношении не первоклассное»¹³. Биографии Светония — едва ли первоклассный художественный памятник; однако новый их перевод как раз активно противостоит старомодной точке зрения, согласно которой лишь незаурядные «красоты» оригинала заслуживают адекватной передачи. Когда писательское дарование переводчика до конца становится конструктивной функцией научного познания текста, оно может с равным успехом проявиться на любом объекте приложения, — так же как методы ученого-филолога. М. Л. Гаспаров — это переводчик именно такого типа, переводчик-филолог.

Прежде всего, в новом переводе виртуозно передана сжатость латинской речи. Первое, что поражает при сопоставлении книги со старым переводом Д. П. Кончаловского, — это объем. Вот для примера выбранные наугад параллельные места из обоих переводов.

¹¹ Было бы любопытно для колоритности дать (хотя бы в примечаниях!) средневековые добавления к биографии Вергилия (например, эпизод с «sic vos pop vobis...»).

¹² Особо сомнительные разделы книги «О поэтах» все же исключены: это относится к заметкам о Тибулле, о Лукреции и о Ювенале, а также к рассуждению о литературных жанрах, дошедшему через посредство «Грамматики» Диомеда (см. прим. на стр. 337).

¹³ Я. Н. Любарский, рец. на кн.: Дигенис Акрит, пер., статьи и комментарии А. Л. Сыркина (М., 1960), «Византийский временник», XXII, 1963, стр. 321—324.

Д. Кончаловский

М. Гаспаров

«Божественный Клавдий», 46

«Этому существуют некоторые доказательства. Действительно, намечая будущих консулов, он никому не определил срока дольше того месяца, в котором он скончался».

«Это видно из того, что при назначении консулов он назначил их только до месяца своей смерти».

«Божественный Август», 54

«Таким образом, ни независимость, ни строптивость ни на кого не навлекали опасности».

«И все-таки за вольные или строптивые речи от него никто не пострадал».

«Нерон», 34, 4

«Также и во время своего путешествия по Греции он не посмел принять участие в Элевсинских мистериях, к посвящению в которые, согласно публичному объявлению глашатая, не допускаются нечестивцы и преступники».

«Поэтому и в Греции на элевсинских таинствах, где глашатай велит удалиться нечестивцам и преступникам, он не осмелился принять посвящение».

«Божественный Веспасиан», 23,3

«Когда его сын Тит упрекал его за то, что он даже на мочу умудрился наложить пошлину, он поднес к его носу деньги, полученные при первом же платеже, и спросил, „ощущает ли он противный запах“, и когда тот ответил отрицательно, сказал: „А ведь деньги-то от мочи“. Когда депутаты одного города сообщили ему о решении поставить ему на общественный счет дорогостоящую колоссальную статую, он велел им ставить ее немедленно и, протянув пустую ладонь, сказал: „Подножие готово“».

«Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прижил, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. „Нет“, — ответил Тит. „А ведь это деньги с мочи“, — сказал Веспасиан. Когда посланцы доложили ему, что решено поставить ему на общественный счет колоссальную статую немалой цены, он протянул ладонь и сказал: „Ставьте немедленно, вот постамент“».

Мы не скупились на примеры потому, что они наглядно выявляют преимущество нового перевода в передаче не только краткости, но и четкости латинской речи. Структура и ритм текста сохранены очень бережно.

С жесткой строгостью выдержан суховатый тон Светониевых рубрик — тон канцелярской описи черт характера и фактов; не допускается ни малейшей неясности в распределении смысловых акцентов. Важен для стиля подлинника порядок в начальных фразах рубрик (как отмечает сам переводчик на стр. 272, у Светония «каждая рубрика и подрубрика обычно начинается ключевым словом, как в словаре»¹⁴). Обозначения «добро-

детелей» и «пороков», которыми оперирует Светоний, совершенно верно поняты как термины, и при их русской передаче соблюдено строгое единообразие.

Переводчик с большой смелостью сохраняет специфические образы и обороты оригинала, которые, казалось бы, невозможно передать лишь смягчающими и нейтрализующими парафразами. Так, он оставляет «*talía ostenta caede aliqua illustri expiare*» («Нерон», 36, 1) — «откупается какой-нибудь блистательной казнью» (стр. 163) (У Кончаловского — «цари обычно ищут такие знамения умерщвления какого-либо знатного человека»). Новый перевод не приносит характерности, порой даже топорности оригинала в жертву безликой гладкости. Это нала в коем случае не значит, что он тяготеет к буквализму; напротив, русские эквиваленты латинских выражений приписываются с большой непринужденностью и свободой. Так, терминологический оборот «*officia cum multis mutuo exercuit*»

¹⁴ Например, «Домитиан», 10, 2: *Complures senatores, in iis aliquot consulares, interemit* «Многих сенаторов, и среди них нескольких консуляров, он отправил на смерть». У Кончаловского: «Он погубил множество сенаторов, среди них несколько бывших консулов». Излишне говорить, что мы отнюдь не рассматриваем сохранение порядка слов подлин-

ника как обязанность переводчика независимо от конкретного случая.

(«Божественный Август», 53, 3) переведен таким же характерным русским идиоматическим выражением — «со многими он был знаком домами» (стр. 56). Слова Светония об обстановке каприйского дворца (Тиберий, 43, 2) «*lascivissimae picturae*» Гаспаров передает так: «картины самого непристойного свойства» (стр. 92). Очень живо (и притом с уместным налетом архаичности) звучит фраза об Отоне: «С ранней молодости он был такой мот и наглец, что не раз бывал сечен отцом» (ст. 181 — «Отон», 2: «*A prima adulescentia prodigus ac proscax, adeo ut saepe flagris obiurgaretur a patre*»).

Передача «физиогномики» подлинника с особенной уверенностью осуществлена в переводе биографий литературных деятелей — риторов, грамматиков и прежде всего поэтов. Здесь переводчику помогало не только отличное знание римской литературной жизни, но и глубокое ощущение стихии русской словесности времен Ломоносова или Карамзина; он опирался на изоморфность этих двух миров, приискивая русские эквиваленты той лексики, в которой запечатлелась структура жизни писательских кругов Рима. Так, заглавие книги Гая Мелисса «*Inertiae*» М. Л. Гаспаров передает словом «Безделки» (ср. «Мои безделки» Карамзина!).

Возражений перевод в целом почти не вызывает. Едва ли хорошо передавать «*mores*» как «прав» (например, «Божественный Юлий», гл. 65, 1: *Militem neque a moribus... probabat, sed tantum a viribus* — «Воинов он ценил не за прав..., а только за мужество»). «Нравы» было бы в этом контексте уместнее. Единственное число «прав», как правило, не оценочно и относится к одной особенности человека («податливый нрав», «упрямый нрав»); множественное число «нравы» — оценочно и охватывает все моральное поведение человека в целом («хорошие нравы», «дурные нравы» «испорченные нравы»). Между тем очевидно, что здесь на первом месте — именно оценочный аспект понятия: Цезарь не стеснялся брать к себе «отпетых», но храбрых людей. То же и в ряде других случаев (например, «Домициан», 18, 2).

На фоне обычной для переводчика щепетильности в подборе лексики бросаются в глаза соседствующие варваризмы «в результате» и «интриги» на стр. 245 (из заметки о Пассиене Криспе — «Он умер в результате интриг Агриппины», в оригинале: «*Periit per fraudem Agrippinae*»).

Почти все стихотворные цитаты, встречающиеся в тексте, заново переведены самим М. Л. Гаспаровым. Некоторые из этих переводов хочется отметить особо. При передаче Вергилиева стиха («Энеида», I, 282) — «*Romanos, regum dominos, gentemque togatam*» — удачно сохранена его структура (стр. 51):

Рима сыны, владыки земли, облеченные в тогу!
Очень живо переданы одиннадцатисложники Бибакула о Валерии Катоне:

«... Подивится, какой такой наукой
Он дошел до великого уменья
Полуфунтом муки, да кочерышкой,
Да двумя виноградными грозьями
Пропитаться до старости глубокой!»

Цитаты (не только стихотворные) и вообще прямая речь очень оживляют рассказ Светония, создавая выигрышный контраст сухости авторского изложения. Переводчик это хорошо понял и передал. Вот как передана речь Цезаря к солдатам («Божественный Юлий», 66): «Знайте: через несколько дней царь будет здесь, а с ним десять легионов, да всадников тридцать тысяч, да легковосоруженных сто тысяч, да слонов три сотни. Я это знаю доподлинно, так что кое-кому здесь лучше не гадать и не ломать голову, а прямо поверить моим словам (*proinde desinant quidam quaerere ultra aut opinari, mihi quidem, qui compertum habeo, credant*); а не то я таких посажу на дырявый корабль и пушу по ветру на все четыре стороны (*quocumque vento in quascumque terra iubebo avehi*»).

Издание снабжено двумя обстоятельными статьями. Одна из них — «Светоний и его время» — характеризует политическое содержание памятника и принадлежит Е. М. Штаерман; вторая — «Светоний и его книга» — объясняет литературную форму памятника и принадлежит М. Л. Гаспарову. Ясно и живо написанная статья Е. М. Штаерман содержит необходимую для широкого читателя информацию о той эпохе, в которую писал Светоний, и о той, которую он описывал. Оригинальные тезисы статьи М. Л. Гаспарова: здесь сделана попытка, — на наш взгляд, вполне удавшаяся, — выявить внутреннюю органичность структуры Светониевых биографий, объяснить эту структуру (обычно представляемую, как формальный курьез) из культурной ситуации времени и политической тенденции автора. Интересно сопоставление этологических установок Светония, Тацита и Плутарха (стр. 267—269). На уровне современной филологической науки находится анализ композиционной техники Светония (стр. 270—275, особенно стр. 274). В этом разделе не совсем точна лишь формулировка: «Эти „предметы“, определяющие членение разделов на рубрики, неизменны во всех биографиях» (стр. 271); четырьмя страницами ниже сам автор с полным основанием утверждает, что «нет таких двух биографий, в которых порядок рубрик был бы один и тот же» (стр. 275). Но эта оговорка — случайность; в целом статья отличается большой четкостью не только мысли, но и изложения, ответственным отношением к слову.

Научный стиль книги сказан и в других приложениях (составитель М. Л. Гаспаров). К изданию приложена солидная хронологическая таблица, учитывающая как исторические, так и историко-литературные события, упоминаемые Светонием не только в «Жизни двенадцати цезарей», но и в биографиях риторов, поэтов и грамматиков (стр. 344—350). Далее, мы находим в приложениях также родословия Юлиев, Клавдиев и Флавиев (вкладка между стр. 350 и 351), указатель имен (стр. 351—370) и, наконец, карту Римской империи и оригинальный план города Рима при первых императорах, из которого исключены присутствующие на планах постройки, выполненные после 96 г.

Примечания составлены с надлежащей полнотой и тщательностью.

Таким образом, столь несходный облик двух античных биографов оказался в каждом случае воссозданным по-своему точно, убедительно и талантливо. Переводы С. П. Маркиша и М. Л. Гаспарова свидетельствуют о высоких возможностях переводческой работы над античными текстами, обеспечиваемых общим состоянием культуры перевода в нашей стране. При существенной разнице избранного каждым из этих двух переводчиков подхода к оригиналу их объединяет высокий уровень требований, которые они предъявляли к своему труду, и можно было бы только желать, чтобы этот уровень стал общеобязательной нормой в деле перевода древних классиков.

С. С. Аверинцев

Т. В. ГРЕК, Е. Г. ПЧЕЛИНА, Б. Я. СТАВИСКИЙ, *Кара-тепе—буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961—1962 гг. и индийские надписи на керамике*. Общая редакция Б. Я. Ставиского, М., Изд-во «Наука», 1964, 110 стр., 48 рис., цена 48 к.

Рецензируемый сборник состоит из трех статей, освещающих итоги археологического исследования буддийского пещерного монастыря, находившегося на территории древней Северной Бактрии. Статья Б. Я. Ставиского посвящена основным итогам раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., в статье Т. В. Грека публикуются индийские надписи на керамике, в статье Е. Г. Пчелиной излагаются результаты работ на этом комплексе с 1926 по 1937 г.

Поскольку о ранних работах на Кара-тепе уже имелась некоторая информация в печати¹ и поскольку раскопки 1961—1962 гг. принесли очень значительный материал, то естественно, что основное внимание привлекают первые две статьи сборника.

Статья Б. Я. Ставиского состоит из двух частей: в первой дается публикация вскрытых архитектурных сооружений (как надземных, так и подземных) и отдельных находок (фрагменты ганчевых статуй, каменные архитектурные детали, фрагменты настенных росписей, культовые предметы, керамика, монеты), а вторая ставит целый ряд историко-культурных вопросов, для решения которых

раскопки Кара-тепе дали новый материал.

Первая часть статьи Б. Я. Ставиского вряд ли может вызвать какие-либо серьезные замечания. Безусловно правильное представляется определение исследуемого комплекса как буддийского пещерного монастыря; не вызывает сколько-нибудь существенных возражений и анализ находок. Также в основном можно согласиться и с выводами второй части, ставящей исследуемый комплекс в связь со многими явлениями историко-культурной жизни Средней Азии в античную эпоху (вопрос о культуре и искусстве Бактрии при кушанах, вопрос о времени, условиях и путях распространения буддизма и т. п.).

Однако, соглашаясь с основными выводами автора, мы не можем не сделать и некоторых критических замечаний. Первое из них касается общей картины проникновения буддизма в Среднюю Азию и отсюда далее на Восток. Прежде всего нам представляется возможным говорить о более раннем, чем то предполагает автор, распространении буддизма в Бактрии. Б. Я. Ставиский в этой работе высказывает сторонником концепции, которая связывает распространение буддизма в Средней Азии главным образом с покровительством, которое оказывали этой религии правители Кушанской династии (прежде всего Канишка), и считает возможным говорить о таком распростра-

¹ Е. Г. Пчелина, Древнебуддийский монастырь Кара-тепе. Термез, «Доклады и сообщения истор. ф-та МГУ», вып. 4, М., 1946, стр. 52—56.